

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-133-139

ЗООНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В НАРОДНО-ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ *КОНЬ*)

© Лилия Усманова, Ли Фэн

ZOONYMIC VOCABULARY IN FOLK SONG DISCOURSE (BASED ON THE LEXEME *HORSE*)

Liliya Usmanova, Li Feng

The article examines the functional and semantic features of the zoonym “horse” in the context of Russian lyrical songs and reveals the semantic volume and synonymous series of this word, actualizing various semantic features of the nomination object and indicating a functionally oriented view of a person on a horse as a means of transport, draft force, comrade in arms or a mystical animal associated with the other world. The article describes the ethnic originality of the song verbalization of this nominative, presented at the level of contextual environment and symbolic understanding. We reveal the stereotypes associated with national-cultural and mythological views of the Russian ethnos, characterizing the typical compatibility of this lexeme in the texts of Russian folk songs. Along with the semantic aspect of the analysis, we make observations on the specifics of syntactic constructions, in which the object of observation appears. The article indicates the most frequent constructions with this lexeme and determines their pragmatic focus taking into account the specifics of the song genre. We have come to the conclusion about the uniqueness of the textual implementation of the nominative “horse” in folk song discourse and the anthropocentric orientation of its representations, since through the prism of descriptions, addresses, etc. within the framework of folklore, the personal axiological picture of the world is revealed.

Keywords: ethnic identity, folklore, folk song discourse, Russian song, zoonyms

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности зоонима «конь» в контексте русских лирических песен, выявляется семантический объем и синонимический ряд данного слова, актуализирующие различные семантические признаки объекта номинации и указывающие на функционально ориентированный взгляд человека на коня как транспортное средство, тяговую силу, боевого товарища или мистическое животное, связанное с потусторонним миром. Описывается этническое своеобразие песенной вербализации данного номинатива, представленное на уровне контекстного окружения и символического осмысления. Выявляются стереотипные образы, связанные с национально-культурными и мифологическими воззрениями русского этноса и дается характеристика типичной сочетаемости данной лексемы в текстах русских народных песен. Наряду с семантическим аспектом анализа приводятся наблюдения над спецификой синтаксических конструкций, в которых фигурирует объект наблюдений. Отмечаются наиболее частотные конструкции с данной лексемой и определяется их прагматическая направленность с учетом специфики песенного жанра.

Авторы приходят к выводу о своеобразии текстовой реализации номинатива «конь» в народно-песенном дискурсе и антропоцентрической направленности его репрезентаций, поскольку сквозь призму описаний, обращений и т. п. в рамках фольклора проявляется ценностная картина мира самого человека.

Ключевые слова: этническое своеобразие, фольклор, народно-песенный дискурс, русская песня, зоонимы

Для цитирования: Усманова Л., Ли Фэн. Зоонимическая лексика в народно-песенном дискурсе (на примере лексемы *конь*) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 133–139. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-133-139

Важнейший предмет исследования лингво-культурологии – единицы языка, имеющие символическое, образно-метафорическое значение в

культуре. В связи с этим интерес представляют тексты, которые имеют особенно тесную связь с

культурой народа, например, такие, как народные песни.

Актуальность нашего исследования объясняется тем, что в песенном творчестве как продукте коллективного народного и индивидуального творчества в наиболее яркой, образной форме запечатлены традиционные, прошедшие испытание временем суждения, оценки, взгляды носителей языка, отражены особенности их мировидения и мировосприятия. Заметное место в составе русских песен занимают сюжеты о животных, которые формируют в значительной степени зооморфный код русской культуры и ментальности. В них метафорически (через образы животных) характеризуются те или иные индивидуальные, личностные качества человека.

Русская народная песня, являя собой текст с национальной системой ценностей, некий код к Космо-Психо-Логосу этноса [1], выполняет интегративную нагрузку, с одной стороны, сохраняя и транслируя накопленный опыт следующим поколениям, а с другой – «способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая возможность единения живших и живущих» [2, с. 11]. И большой пласт слов-наименований животных, иерархически организованный и представляющий собой множество названий млекопитающих, птиц, земноводных, пресмыкающихся, рыб и других животных, в том числе сказочных, мифологических чудовищ, фантастических животных-персонажей и др. [3, с. 396], является отражением национально-культурных представлений об окружающем мире на разных этапах развития человеческого знания: начиная от самых древних с доминированием мифологических воззрений, тотемных культов, обрядов, ритуалов, разных исторических событий в те или иные периоды существования народа и заканчивая современными представлениями человека о мире и себя в нем.

В современной лингвистике до сих пор нет однозначности по поводу статуса данных слов. А. И. Киприянова отмечает, что как объекты первичной номинации они тяготеют к сфере терминологии, но в переносном значении «эти зоонимные единицы получают „заряд“ образности и эмоциональности, тем самым становясь широкоупотребительными <...>, придавая языку идиоматичность» [4, с. 94].

Возможность слова соотноситься с денотатом-неживотным дает основание некоторым ученым выделять среди зоонимов «зоолексемы», «зоосемизмы» (прямое наименование животного), «зооморфизмы», «зоометафоры» (метафоризированные зоонимы), «зоонимосодержащие» лексемы (лексико-семантический вариант зоо-

нима) и др. Данные факты говорят о тенденции усиления антропоморфичности семантической структуры зоонимов, что является отражением бытовавших и бытующих стереотипов, символов, эталонов, составляющих зооморфный код культуры. Их изучение может выявить культурно значимый смысл образа того или иного животного, а через него описать аксиологию русской культуры, актуальные для мировосприятия аспекты бытия.

Исследование зоонимов в русском народно-песенном дискурсе как модели, интегрирующей «господствующие ценностные идеалы и нормы посредством бинарных вербальных концептов: слова и звука» [5, с. 10], открывает широкие возможности для характеристики их образно-семиотической природы и выявления языковых особенностей данных номинативов.

В свою очередь, народная песня как синкретичное явление способна интегрировать в себе современные и архаичные языковые формы, присущие литературному языку и диалектным разновидностям национального языка, а также явления урегулированной и спонтанной речи, что делает данный тип коммуникации интересным объектом для изучения лингво- и социокультурных аспектов и принципов языкового оформления феномена песни.

Таким образом, рассмотрение зоонимической лексики в контексте русской народной песни, с одной стороны, способствует более глубокому пониманию духовного и практического опыта народа, с другой – поможет описать доминантные черты языковых явлений народно-песенного дискурса и выявить особенности речевого поведения данной группы слов.

В данной работе мы опирались на сборник «Русские народные песни» А. Широкова [6]. Было проанализировано порядка 1200 текстов песен и частушек, в которых было выделено 240 зоонимов.

Проведенный анализ эмпирического материала показал, что наиболее частотной в нашем материале среди всех наименований домашних животных является лексема *конь*. Это и оправданно, поскольку данное животное издревле имело особый статус: в контексте русского фольклора конь как культурный символ выступает в образе боевого товарища, помощника, вешего животного и других культурно-значимых понятий.

В русском языке существует целый ряд лексем, включающих различные семантические признаки наименований данного животного: средство передвижения, назначение, скорость, физиологические характеристики (масть, пол,

порода) и др. Так, в словаре Н. Абрамова дается следующий синонимический ряд к лексеме *лошадь*: *лошадь (верховая, выездженная, вьючная, доброезжая, упряжная), конь (битюк, рысак, скакун, коренник (коренная), пристяжная; жеребец, жеребенок, кляча, кобыла, мерин, пони, иноходец), буцефал, пегас, россинант; одер* [7, с. 173]. Кличка животному часто дается по его масти: *бурка, гнедко, савраска, сивко, серко* и т. п. [Там же]. Как видно из приведенного списка наименований, большинство из них соотносится с функцией коня как транспортного средства или же тягловой силы, что является указанием на реалии конца XIX – начала XX веков – время сбора материала и издания упомянутого словаря.

Ретроспективную картину мира русского народа можем также составить, опираясь на словарь В. Даля, где приводятся названия, относящиеся к данному животному, с точки зрения возраста: *лоншак* – годовалый жеребенок, *стригун* – трехлетний (так как остригают гриву в этом возрасте); степени обезженности: *дикая лошадь* имеет названия *тарпан, джигетай, кулан*; отношения человека: *комонь* – лошадь добрая, не кляча; особ. верховая лошадь» [8, с. 336].

По замечанию В. Даля, значимость этого животного как транспорта выявляется в таких характеристиках, как *скакун, скаковой*, то есть предназначенный для скачки, легкий и скорый на скаку; *беговой* – у которого сильная побежка, *рысь* или *иноходь, рысак* и *иноходец; конь шагистый* – с крупным шагом; *конь с ходою* – у которого шаг частый, близкий к рыси [Там же]. Широкий спектр наименований этого животного – индикатор «высокой номинативной плотности концепта конь / лошадь, обусловленной значимостью денотата в действительности XIX века» [9, с. 224].

В словаре В. Даля лексема *лошадь* получает широкое толкование: «вообще конь; особ. не жеребец и не кобыла, мерин» [8, с. 374], без указания на пол животного. Также данный источник указывает на характеристики лошади, демонстрирующие возможные способы ее эксплуатации: *упряжная, верховая, вьючная*, а первая: *коренная, пристяжная, дышельная, выносная (подседельная и подручная)* [8], что подтверждает факт широкого применения данного животного в жизни человека.

Помимо указанных аспектов, в словаре синонимов А. Ю. Кожевникова содержатся аксиологические характеристики данного животного, демонстрирующие отношение человека к нему как к эмоциональному, так и к материально ценностному объекту: крестьянская: *копяга* (прост.), *коник* (прост.), *копяшка* (прост.), *саврас* (разг.),

савраска (разг.), *сивка* (разг.), *сивко* (разг.); плохая: *кляча* (разг.), *лошаденка* (разг.), *одер* (разг.), *шкапа* (прост.) и также приводятся народно-поэтические наименования данного животного: *сивка-бурка* (народ.-поэт.), ~ *борзый конь* (народ.-поэт.), *сивка-бурка вещь каурка* (народ.-поэт.) [10, с. 331].

Знаменательно, что необычная, смешанная масть сивки-бурки вещей каурки (сочетание сивого (седого), бурого и каурого (рыжего, коричневого)), которую в реальной жизни никогда не встретить, и его способности предвидеть будущее актуализируют данные о коне как «одном из наиболее мифологизированных животных, воплощавшем в народном сознании связь с миром сверхъестественного, „тем светом“, соотносясь «одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом» [11, с. 590].

В контексте русских народных песен адъективы, указывающие на цвет шерсти коня, представлены достаточно широко, что указывает на значимость визуального восприятия данного животного в русском языковом сознании. Эпитеты, обозначающие масть коня, представлены в нашем материале прилагательными: *карь (карий), серый, вороной (вороновъий), гнедой, буланый, белогривый* (последнее можно воспринимать как косвенное указание на масть коня): *Как во поле дороженька, там карь конь пасся* («Как на дубе позолоченном»); *Ой, конь мой, конь, мой серый конь, / Что стоишь печален?»* («Ой, конь мой, конь»); *Конь вороной, копыта звенят, / Сам по полю гарцует* («Ах, ты, степь широкая»); *По двору ходила / Коника водила, / Коня вороного Милого своёго* («По двору ходила...»); *Едет милый с Дону, голубчик домой, / Под конь вороновъий – черкесский убор* («Едет милый с Дону»); *Не морозь меня, моего коня, / Моего коня белогривого* («Ой, мороз-мороз»); *Ох, как лошадушки у них, / Э...ой да, всё буланые, / Э...ой да, всё буланые* («Звенит звонок, и тройка мчится») [6] (здесь и далее разрядка наша – Л. В., Л. Ф.).

Песня, будучи источником информации об образе жизни, ценностях и установках носителей языка, передает в том числе сведения о важности коня / лошади как главного транспортного и тяглового животного для людей. Конь в дореволюционной России был показателем достатка в доме, символом мужской силы, и, соответственно, его отсутствие расценивалось как слабость, ущербность хозяина. В нашем материале есть факты, свидетельствующие о равноценности коня и жены хозяина: *У мово мужа, эх, коня не было, / Коня не было да.. ах, ехать не на чем./ - Уж ты милый мой, эх, друг – душа моя, / Ты заложь*

меня, да ты... ты купи коня, / Ты заложи меня, эх, ты купи коня, / Службу выслужишь, да ме... ах, меня выкупишь («Над Москвой заря занималась»); Дам коня, дам кинжал, / Дам винтовку свою, / А за это за все / Ты отдай мне жену («Хас-Булат удалой») [Там же].

В качестве транспортного средства конь рассматривался с древнейших времен. Такие значимые для человека качества коня, как скорость, быстрота, реализуются в нашем материале на уровне контактной и дистантной (контекстной) сочетаемости, при этом семантические связи слов ориентируются на все лексико-грамматические разряды слов, перекрывая их частеречную принадлежность. Семантическим «партнером» лексемы *конь* могут быть не только адъективы, субстантивы и глагольные лексемы, но и адвербиальные, призванные комплексно и целостно передавать идею движения, устремленности, выходящую за рамки словосочетания в более широкий контекст: *Люблю сани с подрезами, / А коня – за быстроту* («Зашумели в саду ели»); *Лишь вздрогнувши от удара, / Конь быстрее поскакал* («Подуй, подуй, непогодушка»); *Конь ретивый меня понес, / Через лес, через поля* («Ой, да ты, калинушка»); *Звонок замолк, и пар клубится / С коней ретивых, удалых* («Звенит звонок, и тройка мчится») [Там же].

Характерно, что семантика быстрого движения наряду с эпитетами *ретивый, борзый*, глаголами *летит, мчится, несется / понес, торопится*, наречием *быстро*, может передаваться посредством сравнительных оборотов, отсылающих к древним представлениям славян о коне как животном, связанном с воздушной стихией: *Верный конь, скачи скорей / И как вихорь мчися...* («Кончен, кончен дальний путь»); *Я принял пакет – и скорей на коня, / И по полю вихрем помчался* («Когда я на почте служил ямщиком») [Там же].

А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» указывает на этимологическую связь древних названий этого животного с природными стихиями и явлениями природы: «названия, данные человеком этому животному, указывают на скорый бег: санскр. *асва* (муж. рода), *асва* (жен.) – лошадь имеют корнем *ас* – *penetrate*, *penetrate*; в Ведах *асу* – быстрый; *асуга* – ветер и стрела <...> кобыла ... санскр. *сарала* – быстрый – от корня *сар*, *сарп* и *кар*, *камр* <...> буйные ветры, ходячие облака, грозовые тучи, быстромелькающая молния – все эти различные явления на поэтическом языке назывались небесными конями <...> скорый, стремительный бег коня сближается с полетом стрелы» [12, с.

592; 611]. При этом автор отмечает, что данные древние названия не сохранились у славянских племен и были заменены заимствованиями от татар, «которые славились в старину своими конями» [Там же, с. 592].

Идея быстрого движения позволила в народном сознании сблизить коня не только с природными стихиями, но и с птицами. В нашем материале достаточно примеров, где глагол *летать* употребляется в отношении коня: *Ты лети, лети, мой конь, / Лети, торопись* («Уж ты зоренька, заря»); *Тройка, тройка, птица-тройка, / Конь ретивый, лети-лети!* («Тройка») [6]. Идея связи с небом через олицетворение коня с воздушной стихией и ее обитателями соседствует в народном сознании с противоположной характеристикой – восприятием его как хтонического существа, связанного со смертью и потусторонним миром. Кони могут представлять в образе лихих (злых, опасных) зверей или движимых нечистой силой: *Кони быстро неслись, словно звери лихи, / Иль несла их нелегкая сила* («Рассказ ямщика») [Там же]. Здесь прилагательное *лихой* употреблено в значении «приносящий беду, злой, тяжкий». В содержании таких эмоционально-экспрессивных лексем наряду с указанием на предметно-понятийную соотношенность дается информация об отношении человека к животному, что в целом призвано усиливать воздействие на слушателя.

Следует отметить, что лексема *тройка*, достаточно частотная в нашей картотеке примеров, являясь вербализатором потенциальных свойств коня, эксплицирует способ упряжки трех лошадей в ряд, предназначенной для быстрой езды на длинные расстояния и доставки почты в дореволюционной России. Известно, что с развитием железных дорог и появлением автомобилей тройка утратила свою лидирующую роль в перевозках.

В русских народных песнях образ тройки приобретает особую поэтичность и символическое значение. Тройка олицетворяет не только саму упряжку, но и характер русского народа, его особое восприятие мира и жизни. С описанием тройки всегда связана динамичность движения, представленная разнообразным контекстуальным окружением рассматриваемой лексемы: *Ах, тройка, тройка, пристяжная, / Куда несешь меня, родная?* («Не бушуйте вы, ветры буйные»); *Тройка, тройка, бубенцы звенят, / Кони мчат, снег под полосьями* («Ух ты, зимушка-зима») [Там же]. Ощущение стремительного движения, полета,

порыва и удали создается за счет соответствующих «партнеров» исследуемой лексемы.

Актуализация семы «рабочая лошадь», которая реализуется при употреблении данного наименования, часто совмещается в рассматриваемых контекстах с интенсификацией движения за счет слов, содержащих сему «высокая скорость»: адъективов *бешеная, лихая*; глаголов *мчится, несется, скачет*; сравнительных оборотов *вихрем мчится*, а также выходом в более расширенный контекст с описанием результата быстрого движения – *вьется пыль из-под копыт; несется пыль по столбовой* и т. п.: *Вот мчится тройка почтовая / По Волге-матушке зимой <...> Вот мчится тройка удалая / Вдоль по дороге столбовой* («Вот мчится тройка удалая»); *Звонит звонок, и тройка мчится, / Несется пыль по столбовой; / На крыльях радости стремится / В дом кровных воин молодой. / «Звени, звени, звонок, громче! / Лихая тройка, вихрем мчись* («Звонит звонок, и тройка мчится»); *Тройка мчится, тройка скачет, / Вьется пыль из-под копыт* («Тройка мчится, тройка скачет») [Там же].

Высокая скорость русской тройки – отличительная черта, выделяющая ее среди других способов упряжки необыкновенной скоростью, выносливостью лошадей, высокой грузоподъемностью, что делало ее поистине уникальной и не имеющей аналогов в мире. Успех тройки заключался в числе прочих в хорошем состоянии коней, предполагающем их психофизиологические характеристики, что может выражаться в нашем материале прилагательными *крепкий, здоровый, сытый, бойкий, веселый* и т. п.: *Не нагнать тебе бешеной тройки: / Кони крепки, и сыты, и бойки* («Что ты жадно глядишь на дорогу»); *Мой конь болезни не боится, / Здоров и весел смотрит он; / Ему на месте не стоит, / Копытом грозно землю бьет* («О чем задумался, служивый?») [Там же]. Выход в расширенный контекст позволяет составить более цельное представление о животных на уровне имплицитных смыслов и ассоциативных связей: тройку не догнать, потому что кони в хорошей физической форме; нетерпеливая готовность тронуться в дорогу вследствие избытка жизненных сил у коня и т. д. В каждой представленной ситуации лексема *конь* является неким центром, отправной точкой, от которой расходятся смысловые линии, актуализируя потенциальные семы и скрытые возможности языка.

Другим важным качеством коня являются смелость и отвага. Из-за его бесстрашия, стойкости и выносливости конь издревле считался символом физической и психической силы. В нашем

материале данные качества нашли отражение в сочетаемости с прилагательными *удалой, лихой*. При этом адъектив *лихой* в этих контекстах несет в себе смысловую нагрузку, противоположную представленной выше: «молодецкий, удалой», демонстрируя результат развития полярных семантических оттенков у слова – энантиосемию: *Потом соскочил с удалого коня* («Когда я на почте служил ямщиком»); *Сел на коня лихого, / Уехал в дальний край* («По Муромской дорожке»); *Молодые, эх, удалые, / Эх, гривачи мои!* («Что так скучно, что так грустно») [Там же]. Отметим здесь употребление перифразы *гривачи* для номинации коня, что указывает на важность не только масти животного в песенном дискурсе, но и других характерных особенностей его внешности, а именно, гривы как воплощения красоты и грации.

Стереотипные представления о коне и связанные с ним ассоциации отражаются также через такие понятия, как «верность» и «преданность». В нашем материале данная ассоциативная линия разворачивается благодаря употреблению с прилагательным *верный*, номинативов *дружок, товарищ* и т. п.: *Верный конь, скачи скорей / И как вихорь мчися* («Кончен, кончен дальний путь»); *Выйди, мериночек, на лужок, / Побегай, мой дружок. / Дам тебе я сена-овса, / Будешь сыт, мой дружок* («Поехал казак на чужбину»); *Уж ты, конь, ты мой конь, ты товарищ мой* («Уж ты, поле мое») [Там же].

Особенности рассматриваемой лексемы прослеживаются не только на семантико-функциональном уровне, но также ярко представлены на уровне синтаксиса. Так, обращает на себя внимание принцип повтора, являющийся важнейшим приемом организации народных лирических песен. Данный принцип «всецело и вполне согласуется с особенностями ее синтаксиса и мелодической структуры» [13, с. 63]. Кроме лексико-стилистических повторов, представленных выше (*конь, ты мой конь* и др.), наблюдаются разные виды синтаксического параллелизма, усиленного лексическим повтором: *Оседлавши коня, / Коня вороного, / Оседлавши коня, / Коня вороного, / Со двора съезжает* («Сизый голубочек сидел на дубочке») или основанного на одинаковом синтаксическом построении предложений: *О чем задумался служивый? / О чем тоскуешь, удалой? / Иль служба-матка надоела? / Иль захворал твой конь гнедой? / О чем задумался, служивый»* [6].

Принципы синтаксического повтора и синтаксического параллелизма тесно связаны с поэтическим параллелизмом, основанном на тесной и ус-

тойчивой связи мира природы с внутренним миром человека, его эмоциями и переживаниями. А. Н. Веселовский описал общую схему психологической параллели, отметив, что при сопоставлении двух мотивов «один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием» [14, с. 144]. Образ коня выступает вестником смерти лирического героя, подтверждая фольклорную связь коня с загробным миром: *Уж ты, конь, ты мой конь, ты товарищ мой, / Ты беги, беги по дорожке вдоль, / К отцу, к матери, к молодой жене. / Ты скажи жене, что женился я, / Что женила меня пуля быстрая, / Обвенчала меня сабля вострая* («Уж ты, поле мое») [6].

Итак, специфика текстовой репрезентации рассматриваемой лексемы представлена в нашем материале на уровне контекстного окружения, актуализирующего значимые для человека признаки коня как транспортного средства, рабочей силы, боевого товарища или как хтонического существа. Подобная функциональная направленность восприятия человеком этого животного выявляет антропоцентрический подход в вербализации зоонимов в русском песенном жанре, так как описания животных являются «окном» во внутренний мир человека.

Список источников

1. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
2. Сиссе Кумба. Антропоцентрический потенциал зооморфного кода названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора: дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2021. 153 с.
3. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / [Н. Ю. Шведова и др.]; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2014. 442 с.
4. Киприянова А. А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремологии русского, английского, французского и новогреческого языков): дис. ... канд. филол. наук: Краснодар, 1999. 218 с.
5. Алексеева О. И. Русская народная песня как этнокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Белгород, 2006. 25 с.
6. Русские народные песни и частушки / составитель А. Широков. М.: «Композитор». 2002. 608 с.
7. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Печатное издание. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
8. Даль В. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2013. 736 с.
9. Исаева Л. А., Епатко Т. А. Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта КОНЬ / ЛОШАДЬ: общекультурная и региональная специфика // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 221–233.
10. Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. В 2-х тт. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. Т. 1. 448 с.
11. Славянские древности: этнолингвистический словарь в пяти томах, Том 2 / Толстой Н., Агапкина Т. А. М.: Международные отношения, 1995. 697 с.
12. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М.: «Индрик», 1994. 800 с.
13. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 221 с.
14. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Ин-т лит. Акад. наук СССР. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.

References

1. Gachev, G. D. (2007). *Kosmo-Psikho-Logos: Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World]. 511 p. Moscow, Akademicheskii projekt. (In Russian)
2. Sisse Kumba. (2021). *Antropotsentricheskii potentsial zoomorfного koda nazvaniy zhivotnykh v dukhovnom krugozore nositelei russkogo fol'klora: dis. ... kand. filol. nauk* [The Anthropocentric Potential of the Zoomorphic Code of Animal Names in the Spiritual Horizons of Russian Folklore Bearers: Ph.D. Thesis]. Voronezh, 153 p. (In Russian)
3. *Russkii semanticheskii slovar': Tolkovyi slovar' sistematzirovannyi po klassam slov i znachenii* (2014) [Russian Semantic Dictionary: Explanatory Dictionary Systematized by Word Classes and Meanings]. N. Yu. Shvedova i dr.; pod obshh. red. N. Yu. Shvedovoi. 442 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
4. Kipriyanova, A. A. (1999). *Funktsional'nye osobennosti zoomorfizm (na materiale frazeologii i paremiologii russkogo, angliiskogo, frantsuzskogo i novogrecheskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Functional Features of Zoomorphisms (based on phraseology and paremiology of Russian, English, French and Modern Greek): Ph.D. Thesis]. Krasnodar, 218 p. (In Russian)
5. Alekseeva, O. I. (2006). *Russkaya narodnaya pesnya kak etnokul'turnyi kontsept: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk* [Russian Folk Song as an Ethnocultural Concept: Ph.D. Thesis Abstract]. Belgorod, 25 p. (In Russian)
6. *Russkie narodnye pesni i chastushki* (2002) [Russian Folk Songs and Ditties]. Sostavitel' A. Shirokov. 608 p. Moscow, Kompozitor. (In Russian)
7. Abramov, N. (1999). *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii* [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions]. Pechatnoe izdanie. 431 p. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)
8. Dal' V. (2013). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: A Modern Version]. 736 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

9. Isaeva, L. A., Epatko, T. A. (2022). *Leksiko-semanticкое pole verbalizatorov kontsepta KON/ "LOShAD'": obshhekul'turnaya i regional'naya spetsifika* [Lexical-Semantic Field of Verbalizers of the Concept HORSE: General Cultural and Regional Specificity]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. T. 65, pp. 221–233. (In Russian)
10. Kozhevnikov, A. Yu. (2003). *Bol'shoi sinonimicheskii slovar' russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: prakticheskii spravochnik* [Large Synonymous Dictionary of the Russian Language. Speech Equivalents: A Practical Handbook]. V 2 tomakh. T. 1. 448 p. St. Petersburg, Izdatel'skii Dom Neva. (In Russian)
11. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* (1995) [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. V 5 tomakh. T. 2. N. Tolstoi, T. Agapkina. 697 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)
12. Afanas'ev, A. I. (1994). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of the Slavs on Nature]. V 3 tomakh. T. 1. 800 p. Moscow, Indrik. (In Russian)
13. Lazutin, S. G. (1981). *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian Folklore]. Ucheb. posobie dlya filol. fak. un-tov. 221 p. Moscow, Vyssh. Shkola. (In Russian)
14. Veselovskii, A. N. (1940). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. In-t lit. Akad. nauk SSSR. 648 p. Leningrad, Goslitizdat. (In Russian)

The article was submitted on 04.12.2024
Поступила в редакцию 04.12.2024

Усманова Лилия Абраровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
usmanova77@rambler.ru

Ли Фэн,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
f3n1i@yandex.ru

Usmanova Liliya Abrarovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
usmanova77@rambler.ru

Li Feng,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
f3n1i@yandex.ru